

Выходные данные:

Поливанов К. М. События «последних лет императорской власти» в текстах Пастернака // В кн.: From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon / Под общ. ред.: Л. Флейшман, А. Л. Осповат, Ф. Поляков. Вып. 8. Франкфурт-на-Майне, Берлин, Берн, Брюссель, Нью-Йорк, Оксфорд, Вена : Peter Lang, 2012. С. 315-322.

События «последних дней императорской власти» в текстах Пастернака

Константин Поливанов
(Высшая школа экономики – Москва)

Несмотря на то, что самого Пастернака и его творчество в советские годы многократно обвиняли в «аполитичности», для многих его произведений принципиальную роль играет их привязка к событиям русской политической истории XX века. В работах М. Окутюрье и Л. Флейшман показали, что «Охранная грамота» использует сложные иносказательные шифры, характеризуя явления искусства и современной политической жизни, о которых писать прямо было невозможно.¹(1) Так, венецианские главки, трактуя отношения государства и художника, фактически метят по адресу советской эпохи, а говоря о том, как искусство обманывает заказчика, Пастернак в сущности сам прибегает на страницах «Охранной грамоты» к такому «обману». Судьба расстрелянного в 1930 г. левовца Владимира Силлова вписана и в венецианские главки 2-й части и в главки, посвященные гибели Маяковского. В недавней работе Сусанна Витт показала, что упомянутое вскользь в первой части «Охранной грамоты» стихотворение Гумилева «Шестое чувство» фактически превращает всю эту часть в текст, построенный на гумилевских мотивах – может быть, даже в большей степени, чем на впечатлениях собственной биографии.²(2)

Данная статья рассматривает, каким образом в трех пастернаковских текстах, созданных в разные годы в существенно отличных жанровых формах, отразились ключевые эпизоды Февральской революции 1917 года – собственно, «последние дни императорской власти» в России.

В 1923 г. в поэме «Высокая болезнь» поэт обращается к описанию безуспешной попытки Николая проехать из Ставки верховного главнокомандующего в Могилеве в Царское Село, когда все управление железными дорогами оказалось в руках восставших в Петрограде. Царский поезд (украшенный двуглавыми орлами), меняя направление в попытке добраться до станции назначения, был остановлен на станции Дно и в конечном итоге объездным путем добрался до Пскова, где императора склонили к отречению.

...Орлы двуглавые в вуали,
Вагоны пульмана во мгле
Часами во поле стояли,
И мартом пахло на земле.
Под Порховом в брезентах мокрых
Вздувавшихся верст за сто вод
Со сна на весь балтийский округ
Зевал пороховой завод.

¹ Michel Aucouturier. Об одном ключе к "Охранной грамоте". // Boris Pasternak. 1890-1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11-14 septembre 1975), Paris 1979, 344-347, Флейшман Лазарь. Борис Пастернак в двадцатые годы. Мюнхен, 1980 (Указаны страницы по 2 изданию СПб., 2003 – с. 211)

² Витт С. Эпистемология поэтики (несколько наблюдений над «Охранной грамотой» Пастернака) // Язык как медиатор между знанием и искусством (сборник докладов). М., 2009. С. 161-166

И уставал орел двуглавый,
По псковской области кружа,
От стягивавшейся облавы
Неведомого мятежа.
Ах, если бы им мог попасться
Путь, что на карты не попал.
Но быстро таяли запасы
Отмеченных на картах шпал.
Они сорта перебирали
Исщипанного полотна.
Везде ручьи вдоль рельс играли,
И будущность была мутна.
Сужался круг, редели сосны,
Два солнца встретились в окне.
Одно всходило из-за Тосна,
Другое заходило в Дне ...³(3)

Советские критики, видимо, не уловили высказанное здесь в сослагательном наклонении сочувственное пожелание спастись от «облавы мятежа» («ах, если бы им мог попасться путь, что на карты не попал»). Примечателен также мотив задержки поезда, который впоследствии, в «Докторе Живаго», станет существенным сюжетообразующим приемом и одной из ключевых метафор времени революции и гражданской войны (впрочем, в романе остановка поезда выступает и символом смертей и главного героя и его отца).⁴(4)

Останавливает на себя внимание в «Высокой болезни» и мотив «охоты» на царя: «по льду рассыпались псари» и «стягивавшаяся облава» («мятежа»). В третьей части «Охранной грамоты», отмечая включенность своего поколения в события русской политической истории начала XX века, автор дает глубокую характеристику как последнему царствованию, так и личности и привычкам последнего императора (хотя и не называя его ни разу по имени), размышляя о природе государственной власти. Николай сопоставляется с казненными в ходе английской и французской революций королями:

Однако для полноты их характеристики надо вспомнить государственный порядок, которым они дышали.

Никто не знал, что это правит Карл Стюарт или Людовик XVI. Почему монархами по преимуществу кажутся последние монархи? Есть, очевидно, что-то трагическое в самом существе наследственной власти.

Политический самодержец занимается политикой лишь в тех редких случаях, когда он Петр. Такие примеры исключительны и запоминаются на тысячелетья. Чаше природа ограничивает властителя тем полнее, что она не парламент и ее ограниченья абсолютны. В виде правила, освященного веками, наследственным монархом зовется лицо, обязанное церемониально изживать одну из глав династической биографии -- и только. Здесь имеется пережиток жертвенности, подчеркнутой в этой роли оголеннее, чем в пчелином улье.

Что же делается с людьми этого страшного призванья, если они не Цезари, если опыт не перекипает у них политикой, если у них нет гениальности - единственного, что освобождает от судьбы пожизненной в пользу посмертной? (3, 211)

Пастернак упоминает трагическое начало последнего царствования -- гибель тысяч людей на праздновании коронации на Ходынском поле, расстрел мирной демонстрации 9 января 1905 («Кровавое воскресенье»), пишет о влиянии которое

³ Пастернак Б. Собрание сочинений в 11 тт. М., 2003-2005. Т. 1, С. 259 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы).

⁴ Характерно и то, восхищение октябрьским переворотом не мешающего сохраняющемуся движению повседневной жизни Живаго также определяет как «чудо истории... бухнутое ... в самый разгар курсирующих по городу трамваев». Возможно, тут есть и любопытное противопоставление февраля 1917 года – октябрю: беспорядки в феврале начались в частности с того, что в Петроградских трамваях откручивали ручки управления трамваями, в результате чего городская трамвайная сеть оказалась парализованной.

приобрел в государственных делах Григорий Распутин. В этом мужике Николай и императрица видели единственного целителя смертельно больного наследника престола цесаревича Алексея. Озабоченная спасением сына и поддаваясь влиянию Распутина, Александра фактически диктовала мужу состав кабинета министров, назначения на государственные посты, принятие тех или иных решений.

Генриэтты, Марии-Антуанетты и Александры получают все больший голос в страшном хоре. Отдаляют от себя передовую аристократию, точно площадь интересуется жизнью дворца и требует ухудшения его комфорта. Обращаются к версальским садовникам, к ефрейторам Царского Села и самоучкам из народа, и тогда всплывают и быстро поднимаются Распутины, никогда не опознаваемые капитуляции монархии перед фольклорно понятым народом, ее уступки веяньям времени, чудовищно противоположные всему тому, что требуется от истинных уступок, потому что это уступки только во вред себе, без малейшей пользы для другого, и обыкновенно как раз эта несуразность, оголяя обреченную природу страшного призванья, решает его судьбу и сама чертами своей слабости подает раздражающий знак к восстанью. (3, 212)

Причину катастрофы автор «Охранной грамоты» видел в искаженном представлении у последнего самодержца о населении собственной страны – «фольклорно понятый народ», и в страшном «равнодушии к родной истории», бывшем «главной особенностью царствования». Судьба Николая увязывается с судьбой царя, сварившегося в котле, из народной сказки:

При виде котла пугаются его клокотанья. Министры уверяют, что это в порядке вещей и чем совершеннее котлы, тем страшнее. Излагается техника государственных преобразований, заключающаяся в переводе тепловой энергии в двигательную и гласящая, что государства только тогда и процветают, когда грозят взрывом и не взрываются. (3, 211)

Автор отмечает патологическую неспособность монархии пойти на необходимые политические уступки, «ее уступки веяньям времени, чудовищно противоположные всему тому, что требуется от истинных уступок, потому что это уступки только во вред себе, без малейшей пользы для другого». (3, 212) Единственной отдушиной для императора остался личный дневник, отчетливо передававший безвольный характер Николая»

Тогда, зажмурясь от страха, берутся за ручку свистка и со всей прирожденной мягкостью устраивают Ходынку, кишиневский погром и Девятое января и сконфуженно отходят в сторону, к семье и временно прерванному дневнику. (3, 211)

Выражение «берутся за ручку свистка» явно связывает судьбу царствования с метафорическим движением в вагоне железной дороги. Симптоматично, что именно задержки в железнодорожном сообщении, служащие метафорическим обозначением нарушения естественного хода истории, выступают аккомпаниментом впечатлениям автора от помпезного празднования юбилея войны двенадцатого года, за которым через год последовало не менее пышно отмечавшееся 300-летие Дома Романовых. Все это происходило за неполных пять лет до отречения Романовых от престола:

Когда я возвращался из-за границы, было столетие отечественной войны. Дорогу из Брестской переименовали в Александровскую. Станции побелили, сторожей при колоколах одели в чистые рубахи. Станционное здание в Кубинке было утыкано флагами, у дверей стоял усиленный караул. Поблизости происходил высочайший смотр, и по этому случаю платформа горела ярким развалом рыхлого и не везде еще приотптанного песку.

Воспоминаний о празднуемых событиях это в едущих не вызывало. Юбилейное убранство дышало главной особенностью царствования -- равнодушием к родной истории. И если торжества на чем и отражались, то не на ходе мыслей, а на ходе поезда, потому что его дольше положенного задерживали на станциях и чаще обычного останавливали в поле семафором. (3, 212)

В «Высокой болезни» задержки поезда оказывались знаком фактического крушения монархии («вагоны Пульмана во мгле Часами во поле стояли...»). В «Охранной грамоте»

всплывает и другой мотив, взятый из этой поэмы, -- морив охоты. Пастернак вспоминает о масштабном художественном проекте -- изготовленном по заказу Н.И. Кутепова силами лучших русских живописцев роскошного иллюстрированного издания *Царская охота*:⁵(5)

Я невольно вспоминал скончавшегося зимой перед тем Серова, его рассказы поры писанья царской семьи, карикатуры, делавшиеся художниками на рисовальных вечерах у Юсуповых, курьезы, сопровождавшие кутеповское издание «Царской охоты» (3, 212)

С одной стороны, Пастернак здесь касается важной в «Охранной грамоты» темы «обмана искусством своего заказчика». Художники, приглашенные для исполнения «царского» заказа, -- рисуют карикатуры на сановников. А с другой, -- сам Пастернак, по гипотезе Л. Флейшмана,⁶ здесь вновь косвенно адресуется современности -- в январе 1930 агентами НКВД в Париже был похищен однофамилец издателя альбомов -- генерал Кутепов. В февральские дни 1917 года тогда еще полковник Преображенского полка кавалер ордена Святого Георгия 4 степени Александр Павлович Кутепов (1882-1930) стал едва ли не единственным героем революционных дней в Петрограде, оставшимся верным присяге. Находясь в отпуске, он по поручению командующего округом генерала Хабалова возглавил сводный отряд, пытавшийся оказать реальное сопротивление восстанию.

Таким образом, характеристика последнего царствования в «Охранной грамоте» охватывала эпоху от Ходынки и до Февральской революции.

Рискнем предположить, что события вокруг отречения от престола Николая определенным образом преломились и в романе «Доктор Живаго». Уже неоднократно обращали внимание на то, что при точности в изображении конкретных деталей, Пастернак в романе прибегает и к своеобразным «сгущенным» или «концентрированным» изображениям событий, составляющих исторический фон повествования. Так описаны первые послереволюционные зимы в Москве и аресты в Юрятине после возвращения Юрия Андреевича из партизанского плена.

Одним из таких эпизодов, где соединяются конкретные моменты 1917 года и одновременно можно увидеть отзвуки событий и обстоятельств, определявших атмосферу времени представляется глава, в которой мадемуазель Флери требует от телеграфиста Коли Фроленко, чтобы тот посадил Юрия Андреевича на поезд до Москвы.

Мадемуазель звонила Коле по телефону, чтобы он устроил доктора в поезде поудобнее, угрожая в противном случае неприятными для Коли разоблачениями.

Отвечая мадемуазель, Коля по обыкновению вел какой-то другой телефонный разговор и, судя по десятичным дробям, пестрившим его речь, передавал в третье место по телеграфу что-то шифрованное.

-- Псков, комосев, слушаешь меня? Каких бунтовщиков? Какую руку? Да что вы, мамзель? Вранье, хиромантия. Отстаньте, положите трубку, вы мне мешаете. Псков, комосев, Псков. Тридцать шесть запятая ноль ноль пятнадцать. Ах, чтоб вас собаки съели, обрыв ленты. А? А? Не слышу. Это опять вы,

⁵ См. об этом в книге Л. Флейшмана «Борис Пастернак в двадцатые годы»: «Речь идет о роскошном «историко-живописном» альбоме, заведующего хозяйством императорской охоты генерала Н.И. Кутепова (1851-1912) «Охота на Руси», вышедшем в четырех томах и включавшем работы лучших русских художников – в том числе А.Н. Бенуа, В.И. и А.М. Васнецовых, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, Л.О. Пастернака, Е.Е. Лансере и В.А. Серова» (Флейшман Л.С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003, С. 294).

⁶ «Законно предположение, что имя Кутепова всплыло в «Охранной грамоте» и как отклик на нашумевшее похищение в начале 1930 года в Париже генерала Кутепова, расценивавшегося эмиграцией в качестве будущего «диктатора» России. «Возвращение из-за границы» в 1912 году в такой же степени могло ассоциироваться с «исчезновением» Кутепова в 1930 г., как и с помпезным альбомом его бесславного однофамильца» (там же, С. 294).

мамзель? Я вам сказал русским языком, нельзя, не могу. Обратитесь к Поварихину. Вранье, хиромантия. Тридцать шесть... а, чорт... отстаньте, не мешайте, мамзель.

А мадемуазель говорила:

-- Ты мне не пускай пыль в глаз кироман, Псков, Псков, кироман, я тебя насквозь буду водить на чистую воду, ты будешь завтра сажать доктора в вагон, и больше я не разговариваю со всяких убийц и маленький Иуда предатель. (4, 154)

Эта главка завершает эпизод подавления Зыбушинской республики, следуя за изображением гибели комиссара Гинца. В основе этого сюжета лежит действительная судьба комиссара Временного правительства Линде (о котором упоминалось, в частности, в мемуарах Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся»), а с другой стороны, общие приметы времени – вспышки солдатских бунтов, разруха и хаос в железнодорожном сообщении, в особенности прифронтовом. Одновременно здесь можно разглядеть и отголосок нескольких специфических событий первых недель революции -- февраля-марта 1917 года. Успех революции в Петрограде был в значительной степени обеспечен за счет того, что вся железнодорожная сеть управлялась по телеграфу из Министерства путей сообщения (ср. в характеристике Коли Фроленко «управление веткой находилось в Колиных руках в аппаратной вокзала»). В результате эшелоны с частями, шедшими на подавление мятежа в столице, не смогли достичь Петрограда, как, например, эшелон Георгиевского батальона, с которым следовал генерал Николай Иудович Иванов, которого император назначил 27 февраля 1917 года главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями и с подчинением ему всех министров. Сам Николай II в результате этого же «телеграфного» управления попадает не Царское село, а во Псков – в распоряжение командование Северного фронта. Правда, в отличие от петроградских революционеров, Коле Фроленко не удалось остановить эшелон с казаками, отправляющимися на подавление солдатского мятежа, но замечательно, что пытался он сделать именно это. По логике вещей, в словах его не должны были бы упоминаться ни Псков, ни «комосев» -- командующий северным фронтом, – ведь действие происходит совсем на другом фронте. Можно поэтому предположить, что появляются они в связи с историей задержки царского поезда, а его имя Николай и «прозвище», которым его награждает Флери – «иуд-предатель» -- должны были бы напомнить читателю имя и отчество генерала Иванова. То, что автор романа прибегает здесь к своеобразному «шифру», может указывать на занятие Коли -- «передавал в третье место по телеграфу что-то шифрованное».

1. Michel Aucouturier, «Об одном ключе к “Охранной грамоте”», *Boris Pasternak. 1890-1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11-14 septembre 1975)* (Paris, 1979), стр. 344-347; Лазарь Флейшман. *Борис Пастернак в двадцатые годы* (С.-Петербург, 2003), стр. 211

2. С. Витт, «Эпистемология поэтики (несколько наблюдений над “Охранной грамотой” Пастернака)», *Язык как медиатор между знанием и искусством (сборник докладов)* (Москва, 2009), стр. 161-166

3. Б. Пастернак. *Собрание сочинений в 11 тт.* (Москва, 2003-2005). Том 1, стр. (далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы).

4. Характерно и то, восхищение октябрьским переворотом не мешающего сохраняющемуся движению повседневной жизни Живаго также определяет как «чудо истории <...> бухнутое <...> в самый разгар курсирующих по городу трамваев». Возможно, тут есть и любопытное противопоставление февраля 1917 года – октябрю: беспорядки в феврале начались в частности с того, что в Петроградских трамваях откручивали ручки управления трамваями, в результате чего городская трамвайная сеть оказалась парализованной.

5. Ср.: «Речь идет о роскошном “историко-живописном” альбоме, заведующего хозяйством императорской охоты генерала Н.И. Кутепова (1851-1912) “Охота на Руси”, вышедшем в четырех томах и включившем работы лучших русских художников – в том числе А.Н. Бенуа, В.И. и А.М. Васнецовых, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, Л.О. Пастернака, Е.Е. Лансере и В.А. Серова» -- Лазарь Флейшман. *Борис Пастернак в двадцатые годы*, стр. 294.

6. «Законно предположение, что имя Кутепова всплыло в “Охранной грамоте” и как отклик на нашумевшее похищение в начале 1930 года в Париже генерала Кутепова, расценивавшегося эмиграцией в качестве будущего “диктатора” России. “Возвращение из-за границы” в 1912 году в такой же степени могло ассоциироваться с “исчезновением” Кутепова в 1930 г., как и с помпезным альбомом его бесславного однофамильца» -- там же, стр. 294.